Дата поступления рукописи в редакцию: 04.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-257-264

БАЛАК Павел Александрович,
слушатель Нижегородской академии МВД России,
e-mail: pavel.balak6@mail.ru

ФОРМЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. *В статье исследуется значение форм конкретизации в системе уголовно-правового регулирования, где она выступает необходимым связующим звеном между абстрактной нормой и реальными обстоятельствами ее действия, выделяется и подробно характеризуется три формы конкретизации – законодательная, интерпретационная и правореализационная, осуществляется из разграничение их по субъекту, целям, средствам и результатам. На примерах из уголовного законодательства демонстрируется, как конкретизация позволяет преодолеть правовую неопределенность и повысить эффективность уголовно-правового регулирования.*

Ключевые слова: *конкретизация, уголовно-правовое регулирование, формы конкретизации, правотворческая конкретизация, правореализационная конкретизация, интерпретационная конкретизация, юридическая техника, конструирование уголовных запретов.*

BALAK Pavel Aleksandrovich,
student of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FORMS OF SPECIFICATION AND THEIR IMPORTANCE IN CRIMINAL LAW REGULATION

Annotation. *The article examines the importance of forms of concretization in the system of criminal law regulation, where it acts as a necessary link between an abstract norm and the real circumstances of its action, identifies and characterizes in detail three forms of concretization - legislative, interpretative and legal implementation, and distinguishes them by subject, goals, means and results.*

Examples from criminal law demonstrate how concretization makes it possible to overcome legal uncertainty and increase the effectiveness of criminal law regulation.

Key words: *specification, criminal-legal regulation, forms of specification, law-making specification, law-implementation specification, interpretative specification, legal technique, construction of criminal prohibitions.*

Введение

Постоянное совершенствование действующего законодательства выступает предпосылкой повышения эффективности правового регулирования. Трудно не согласиться с представителями научного сообщества, рассматривающими корреляцию качества закона с правильностью его действия [1, С. 42]. Наряду с этим следует понимать, что работа над формой и содержанием нормативного правового акта выражается не только во внедрении новых, изменении действующих и отмене устаревших норм, но и конкретизации абстрактных предписаний [2, С. 7].

Так, в условиях постоянно развивающихся общественных отношений особое значение приобретает учет их динамики при изложении воли законодателя на «язык права». Осознание этого неизбежно отражается на формулировании правовых запретов [3, С. 145]. Нередко к правотворческой деятельности предъявляется два взаимосвязанных требования по приведению законодательства в состояние: 1) обеспечивающее стабильность правового регулирования; 2) учитывающее развитие общественных отношений. Одним из способов достижения упомянутых критериев является изменение конкретности предписаний, которое может осуществляться в диаметральных направлениях: снижении (абстрагировании) и повышении (конкретизации). Оба из них при определенных обстоятельствах могут гармонизировать юридическую практику. Изложенное позволяет отождествлять конкретизацию с посредником между общей (абстрактной) нормой и реальными обстоятельствами ее действия [2, С. 7–8].

Основной целью настоящего исследования является формирование комплексного и системного представления о сущности конкретизации в уголовном праве через изучение ее форм. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: 1) изучены подходы к правоконкретизации в уголовном праве; 2) выделена структура конкретизации как вида деятельности; 3) классифицированы формы конкретизации в зависимости от стадий правового регулирования; 4) определена роль каждой из них в уголовно-правовой отрасли.

Использованный методологический инструментарий включает в себя комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, обобщение), системный подход, формально-юридический, ретроспективный, сравнительно-правовой и другие специальные методы научного познания.

Перед тем, как перейти к освещению основной части исследования следует оговориться – в рамках настоящей статьи категории «конкретизация в праве», «правовая конкретизация», «правоконкретизация» и «правоконкретизирующая деятельность» используются как тождественные.

Основная часть

Не претендуя на разрешение дискуссии о соотношении абстрактного и конкретного [4, С. 85–125; 5, С. 57], при характеристике конкретизации в праве, важно указать на вынужденную обобщенность нормативных предписаний. Чем шире круг общественных отношений, регулируемых нормой, тем более отвлеченно она изложена в законе, в связи с чем ее толкование и реализация бывают затруднительны.

Таким образом, правовая неопределенность может выступать: 1) дефектом права (при возникновении пробелов, коллизий в правовом регулировании); 2) условием эффективности правового регулирования [6, С. 6]. Только так право способно охватить огромное множество меняющихся и постоянно развивающихся общественных отношений [2, С. 8–10].

Обстоятельно рассмотрев понятие правоконкретизации в уголовном праве [7], под таковой нами понимается вид юридически значимой деятельности, подразумевающий движение от абстрактного к конкретному, направленный на достижение уголовно-правового регулирования общественных отношений в рамках своей обусловленности предметом и формой.

Придерживаясь вышеизложенного подхода, для правоконкретизирующей деятельности характерны: субъект, объект, предмет, мотив, цель, средство, действие и результат. Перечисленные элементы предопределяют деление конкретизации на формы и виды. В контексте настоящего исследования речь идет только о формах конкретизации, разграничение которых проводится по субъекту, предмету, цели и средству.

В своей монографии Г.Г. Шмелева описывает два наиболее распространенных подхода к классификации конкретизации юридических норм в зависимости от стадий правового регулирования. «Сторонники первого связывают конкретизацию со стадией правотворчества и отрицают ее возможность в процессе правоприменения … сторонники другого, более широкого подхода к исследованию и пониманию конкретизации правовых норм, рассматривают ее как явление, имеющее место в процессах правотворчества и правоприменения, как свойство правовой системы, как свойство правового регулирования в целом, как объективную необходимость и закономерность правового регулирования» [2, С. 11].

Соглашаясь со сторонниками широкого смысла, считаем наиболее полным и правильным с учетом особенностей российской правовой системы выделить уголовно-правовую конкретизацию в:

– правотворчестве;
– интерпретации права;
– правореализации.

По нашему мнению, лишь посредством системного изучения конкретизации в вышеперечисленных стадиях возможно сформировать комплексное представление о ее сущности в уголовном праве.

Законодательная (правотворческая) конкретизация

Рассматривая данную форму в качестве компонента правотворческой деятельности, необходимо принимать во внимание ее сущность и специфику.

Выработанный еще в советской юридической доктрине подход подразумевает отождествление правотворчества с «государственной деятельностью, в результате которой воля государства возводится в закон, нормы права» [3, С. 5]. Не составляет труда установить, что в уголовном праве субъектом правотворческой конкретизации является законодатель, предметом – уголовно-правовые нормы, а целью – повышение эффективности правовой регламентации уголовных запретов.

В гармоничности закона заинтересованы не только субъекты его реализации, но и законодатель, нормативно закрепивший условия должного регулирования общественных отношений. Традиционно к качественным показателям, достигаемым в процессе правотворчества, принято относить: целостность, полноту, стабиль-

ность, динамичность, доступность, согласованность, точность, определенность [8]. Из перечисленных критериев последние три в значительной мере обеспечиваются законодательной конкретизацией уголовно-правовых норм [2, С. 24–29], что характеризует ее как средство совершенствования законодательства. Однако напрямую законодатель может повлиять только на предписание, причем посредством: 1) внедрения конкретизирующей (относительно новой) нормы; 2) изменения действующего (исходного) запрета [9, С. 152].

В качестве примера внедрения новой уголовно-правовой нормы Т.В. Кленова приводит конкретизацию общего запрета убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Законодатель выделяет специальные составы с усложненным непосредственным объектом, например, убийство в связи с осуществлением служебной деятельности (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) или лица, осуществляющего правосудие (ст. 295 УК РФ) [10, С. 936].

В свою очередь изменение действующей нормы часто требуется для устранения избыточной абстрактности оценочных понятий. Как отмечает Н.А. Лопашенко, в главе об экологических преступлениях используется неоправданно много оценочных категорий («вред здоровью человека», «массовое заболевание», «существенный экологический вред», «иные тяжкие последствия»), размывающих преступность деяния и требующих законодательной конкретизации путем введения в уголовный закон легальных дефиниций [11, С. 886–891].

Примером законодательной конкретизации А.В. Козлов называет отказ от субъективного оценочного признака «крупный ущерб» в ряде статей УК РФ (например, в ст. 146 УК РФ) и установление четких стоимостных критериев в примечаниях к статьям, лишающее правоприменителя необоснованно широкого усмотрения [12, С. 993, 996–999].

Кроме того, рассматриваемая форма правоконкретизирующей деятельности может применяться и в отношении санкции уголовно-правовой нормы. Так, Л.Л. Кругликов и И.А. Хитров отмечают, что формализация влияния смягчающих обстоятельств непосредственно в законе обеспечивает справедливость приговора. Иллюстративным примером служит ст. 62 УК РФ, в которой четко установлено: «при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и «к» ч. 1 ст. 61 и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания» [13, С. 921].

Интерпретационная конкретизация

Как правило, осуществление данной деятельности требуется при необходимости актуализации применения соответствующего акта без внесения изменений в его содержание. В условиях российской правовой системы правоинтерпретационная конкретизация видится возможной лишь в виде издания Конституционным Судом РФ актов официального толкования [20, С. 149]. Однако, более широкий подход к пониманию роли интерпретации в уголовном праве лишает вопрос однозначности.

Являясь одним из составляющих интерпретационной деятельности, правоконкретизация различается при легальном и судебном толковании. Важно понимать, что интерпретационная конкретизация направлена на улучшение закона лишь косвенно, так как ее предметом (в отличие от законодательной) выступает не сама юридическая норма, а уже результат ее разъяснения (при легальном толковании) или применения (при судебном толковании).

Конкретизация в рамках легальной интерпретации заключается в сужении объема и расширении содержания уже выработанных позиций, разъясняющих смысл уголовно-правовых предписаний. Не вступая в дискуссию о юридической природе и силе постановлений, заключений и определений Конституционного Суда РФ, аксиомизируется их вторичное значение по отношению к уголовному закону.

В юридической доктрине присутствует мнение, что назрела необходимость интерпретационной конкретизации диспозиций ст. 299 и 300 УК РФ (незаконное привлечение к уголовной ответственности и незаконное освобождение от нее) [21, С. 954–955]. Конституционный принцип презумпции невиновности и нормы УПК РФ требуют толковать и конкретизировать архаичный термин «привлечение к уголовной ответственности» через современное понятие «уголовное преследование», меняющее объем объективной стороны составов преступлений против правосудия. В данном случае правоинтерпретационная конкретизация позволяет устранить терминологические противоречия между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Конкретизация в рамках судебной интерпретации представляет собой обобщение правоприменительной практики по конкретным делам и издание на их основе интерпретирующих положений, расширяющих содержание уголовно-правовых норм. Идеализируя систему российского права, можно возразить: «соблюдение разработанных судебными органами правил не является обязательным». Однако в действительности обобщение судебной практики Верховным Судом РФ нередко предопределяет правореализацию.

В рамках судебного толкования Пленум Верховного Суда РФ постоянно осуществляет конкретизацию абстрактных уголовно-правовых конструкций. Например, П.Н. Панченко обращает внимание на то, что Пленум ВС РФ в своих постановлениях (в частности, по делам о бандитизме, убийствах и хищениях) конкретизирует признак «устойчивости» организованной группы. Высшая судебная инстанция указывает, что об устойчивости свидетельствуют стабильность состава, тесная взаимосвязь участников, постоянство форм и методов преступной деятельности, а также техническая оснащенность [19, С. 903–905]. Аналогичным образом Пленум ВС РФ конкретизировал оценочную категорию «вред здоровью человека» по экологическим преступлениям, указав, что она охватывает причинение тяжкого вреда одному или нескольким лицам [11, С. 887].

Таким образом, избранный подход позволяет называть интерпретационную конкретизацию самостоятельным процессом, способствующим достижению целей легального и судебного толкования. Выступая в системе уголовного права, по большей мере, вспомогательным инструментом (как и интерпретация в целом), правоконкретизация позволяет актуализировать официальные разъяснения уголовного закона, а также вырабатывать на основе правоприменительной практики правила реализации уголовно-правовых предписаний.

Правореализационная конкретизация

Правореализационная конкретизация выступает одним из условий претворения велеия законодателя в жизнь, обеспечивая правильность реализации уголовно-правовой нормы.

Ввиду большого количества причин при конструировании уголовных запретов законодателем не достигается должный уровень их конкретности. Подобное встречается, когда в сложившейся ситуации присутствуют все признаки состава преступления, но их идентификация с «формулой», изложенной в нормативном предписании, затруднена или невозможна, в результате чего возникает противоречивая правоприменительная практика.

Особенности романо-германской правовой системы делают необходимым соотношение правотворческой и правореализационной конкретизации, как «основного» и «производного», исходящее из общеправового принципа верховенства закона. Таким образом, праворелизационная конкретизация является правильной лишь в границах установленных законодателем. Из этого следует, что четко очерченные границы нормативно-правового предписания предопределяют качество его реализации.

Однако важно учитывать, что природа правоприменительной конкретизации различается, когда: 1) законодатель мог более конкретно изложить норму, но по тем или иным причинам не предусмотрел (или не мог предусмотреть) трудности, возникшие в процессе ее реализации (например, использовал непонятные языковые конструкции); 2) нормотворец намеренно не конкретизировал норму ввиду невозможности регламентации всего многообразия регулируемых ею общественных отношений (например, вынужденное внедрение в текст закона оценочных категорий). Несмотря на различие причин возникновения неопределенности в нормах (первая – случайная, вторая – преднамеренная), лишь в данных случаях правореализационная конкретизация является объективной необходимостью юридической практики, независимо от ее результатов (квалификация преступления, вынесение приговора, толкование нормы и т.д.).

При изучении соотношения правореализационной конкретизации и толкования юридических норм между представителями научного сообщества наблюдается противоречие взглядов. В то время, как одни ученые считают конкретизацию частью толкования [14, С. 82; 15, С. 17], другие – наоборот, включают толкование в процесс конкретизации (как средство ее осуществления) [16, С. 215; 17, С. 19–20; 18, С. 25].

Проанализировав аргументы каждой из сторон, Г.Г. Шмелева приходит к закономерным выводам – конкретизация и официальное толкование правовых норм отличаются друг от друга: 1) непосредственными целями и функциями в правовом регулировании; 2) логическими механизмами их осуществления; 3) регулятивно-юридическими свойствами их результатов [2, С. 61].

С учетом отраслевой обусловленности можем согласиться лишь с первыми двумя положениями. Так, при обосновании третьей позиции автор утверждает – результатом конкретизации юридических норм является относительно новое правило поведения, что недопустимо в уголовно-правовой отрасли.

Так или иначе, реализация права включает осуществление интеллектуальной деятельности ее субъектов (уполномоченных государственных органов и физических лиц, ее осуществляющих). Суть таковой конкретизации (интеллектуальной деятельности) заключается в соотнесении абстрактной нормы уголовного права (ее криминообразующих признаков) с конкретным жизненным случаем. Нередко от качества правоконкретизации зависит результат правореализации [23, С. 242], выраженный в правильном и неправильном (правомерном и неправомерном) регулиро-

вании общественных отношений. Наиболее отчетливо это отражается в деятельности органов суда.

Характеризуя влияние последних на юридическую практику, профессор С.С. Алексеев пишет – «Повышение уровня нормативных обобщений вызывает в качестве неизбежного следствия усиление роли ее (юридической (судебной) практики) в процессе правового регулирования. В ходе практики постепенно намечаются направления в решении юридических дел, определяются ориентиры, раскрывающие смысл норм и значение терминов, вырабатываются определенные образцы, типовые решения той или иной категории дел» [3, С. 86]. Иначе говоря, автор рассматривает конкретизацию в качестве способа устранения органами судебной системы пробелов в правоприменении.

Более глубокое понимание данной деятельности позволяет охарактеризовать ее как интеллектуальный этап реализации уголовно-правовой нормы. Ее неправильное осуществление чревато возникновением: 1) негативной практики, нарушением прав и свобод человека и гражданина (в случаях, если субъектом выступает уполномоченный орган государственной власти [22, С. 53]); 2) юридической ошибки при реализации уголовно-правового запрета (в случаях, если субъектом выступает физическое лицо). Это препятствует решению задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) и достижению целей наказания (ст. 43 УК РФ).

Наиболее наглядно правореализационная кокнретизация проявляется при квалификации экономических преступлений, совершаемых в соучастии. По мнению П.Н. Панченко, при вменении квалифицирующего признака «совершение преступления организованной группой» правоприменитель осуществляет интеллектуальную конкретизацию форм совместности деяния [19, С. 898]. В отличие от простой группы лиц, совместность в организованной группе является рассредоточенной, и следователю или суду необходимо в каждом конкретном случае привязывать абстрактную норму ч. 3 ст. 35 УК РФ к реальным фактам, а именно: выявить предварительное планирование, распределение ролей, наличие организатора и иные признак соорганизованности [19, С. 901–903]. Без такой конкретизации правильная квалификация деяния невозможна.

Заключение

Подводя итог рассмотрению форм уголовно-правовой конкретизации, стоит отметить, что основанием их различия друг между другом являются отдельные элементы ее внутренней структуры (как вида деятельности), а именно – 1) субъект; 2) предмет; 3) цель; 4) средство. Для более наглядного сопоставления форм конкретизации в уголовном праве это сделано в таблице (*Таблица №1 на следующей странице*).

Резюмируя вышеизложенное, видится целесообразным сформулировать ряд умозаключений, характеризующих формы конкретизации и их значение в уголовном праве.

Первое. При конструировании уголовно-правовых предписаний законодатель вынужден использовать обобщенные конструкции, создавая неопределенность, балансирующую между стабильностью правового регулирования и динамичностью общественных отношений.

Второе. Широкий подход к пониманию правоконкретизации позволяет выделить ее законодательную, интерпретационную и правореализационную формы, каждая из которых отличается по структуре деятельности (субъекту, предмету, цели и средствам).

Третье. Законодательная конкретизация, направленная на достижение согласованности, точности и определенности правового регулирования, осуществляется исключительно законодателем и выражается во внедрении конкретизирующей (либо конкретизации части действующей) нормы.

Четвертое. Интерпретационная конкретизация, направленная на актуализацию применения уголовно-правового предписания, осуществляется Конституционным и Верховным Судом РФ в пределах своей компетенции, при этом влияя на уголовное законодательство лишь косвенно.

Пятое. Правореализационная конкретизация, выступая интеллектуальным этапом применения уголовно-правовой нормы, заключается в ее соотнесении с конкретным жизненным случаем, осуществляемым правоприменителем и обывателем.

Список литературы:

[1] Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях: теоретические и прикладные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург. – 1999. – 393 с.

[2] Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. – Львов: Выща школа, – 1988. – 104 с.

[3] Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций в 2-х томах / С.С. Алексеев. Свердловск, – 1973. – Т. 2. – 396 с.

[4] Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – М., – 1986. – 332 с.

[5] Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного // Вопросы философии. – 1967. – № 9.

[6] Власенко Н.А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. – 2006. – № 7. – С. 4–12.

Таблица №1

<table>
<tr><th colspan="5">Сравнение форм конкретизации в уголовном праве</th></tr>
<tr><th>Форма</th><th>Субъект</th><th>Предмет</th><th>Цель</th><th>Средство</th></tr>
<tr><td rowspan="2">Законодательная конкретизация</td><td rowspan="2">Законодатель</td><td>Элементы действующей уголовно-правовой нормы
(диспозиция, санкция)</td><td rowspan="5">Повышение эффективности правового регулирования</td><td>Внесение в элементы исходной статьи конкретизирующих изменений
(более конкретные элементы)</td></tr>
<tr><td>Относительно новая уголовно-правовая норма</td><td>Внедрение в уголовный закон конкретизирующей нормы
(внедрение более конкретного предписания)</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Правореализационная конкретизация</td><td>Уполномоченный орган государственной власти</td><td rowspan="2">Действующая уголовно-правовая норма</td><td rowspan="2">Умственная деятельность, заключающаяся в соотнесении уголовно-правовой нормы с конкретным случаем</td></tr>
<tr><td>Обыватель (физическое лицо)</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Интерпретационная конкретизация</td><td>Конституционный Суд РФ
(легальное толкование)</td><td>Положения акта официального толкования</td><td>Издание конкретизирующих Определений КС РФ</td></tr>
<tr><td>ВС РФ (судебное толкование)</td><td>Результаты правоприменения нормы УП</td><td>Разработка правоположений, содержащих правила</td></tr>
</table>

[7] Балак П.А. Понятие конкретизации в уголовном праве // Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, – 2025. – С. 161–172.

[8] Качество закона и эффективность законодательства / Поленина С.В.; Под ред.: Куник Я.А. – М.: Изд-во ИГиП РАН, – 1993. – 56 с.

[9] Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред.: Братусь С.Н., Самощенко И.С. – М.: Госюриздат, – 1962. – 575 с.

[10] Кленова Т.В. Конкретизация уголовно-правовых предписаний: научное обоснование и практическое применение // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 934–954.

[11] Лопашенко Н.А. Конкретизация как прием законодательной техники в уголовном законодательстве: необходимое зло или недостижимое благо? // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 883–898.

[12] Козлов А.В. О проблеме конкретизации крупного ущерба в уголовном законодательстве России // Конкретизация законодательства как

технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 990–999.

[13] Кругликов Л.Л., Хитров И.А. Опыт законодательной конкретизации отдельных обстоятельств в российском уголовном праве // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 917–934.

[14] Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1960. 239 с.

[15] Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., – 1962. – 166 с.

[16] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., – 1967. – 240 с.

[17] Братусь С.Н. Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. – М., – 1975. – С. 8–74.

[18] Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. – М., – 1976. – 118 с.

[19] Панченко П.Н. Конкретизация как технико-юридический прием квалификации преступлений в сфере экономики по признаку совершения их организованной группой // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 898–917.

[20] Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дис. … канд. юрид. наук. – Москва. – 2011. – 196 с.

[21] Александрова И.А. Конкретизация уголовного законодательства, касающегося преступлений против правосудия // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, – 2008. – С. 954–965.

[22] Миннигулова, Д. Б. Компенсация за нарушение условий содержания в изоляторе временного содержания и под стражей в практике МВД России за 2021-2024 годы: научный и практический аспекты / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 47-53. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. – EDN XBUBXW.

[23] Диваева, И. Р. О некоторых проблемных аспектах толкования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм / И. Р. Диваева, М. С. Шайхуллин // Право и управление. – 2024. – № 11. – С. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

References:

[1] V.V. Ignatenko. Legal quality of laws on administrative offenses: theoretical and applied problems: dis.... Dr. Jurid. sciences. - Yekaterinburg. – 1999. - 393 p.

[2] G.G. Shmeleva. Concretization of legal norms in legal regulation. - Lviv: Vyshcha school, - 1988. - 104 s.

[3] Alekseev S.S. Problems of the theory of law: a course of lectures in 2 volumes/S.S. Alekseev. Sverdlovsk, - 1973. - VOL. 2. - 396 p.

[4] Kerimov D.A. Philosophical foundations of political and legal studies. - M., - 1986. - 332 p.

[5] Ilyenkov E.V. The problem of abstract and concrete//Questions of philosophy. – 1967. – № 9.

[6] Vlasenko N.A. Uncertainty in law: the concept and ways of research//Russian justice. – 2006. – № 7. - S. 4-12.

[7] Balak P.A. The concept of concretization in criminal law//Conceptual and categorical apparatus of the sciences of the criminal law cycle. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. - Yekaterinburg, - 2025. - S. 161-172.

[8] Quality of law and effectiveness of legislation/S.V. Polenina; Ed.: Kunik Ya.A. - M.: Publishing House of the IGiP RAS, - 1993. – 56 c.

[9] Theoretical issues of systematization of Soviet legislation/Ed.: Bratus S.N., Samoshchenko I.S. - M.: Gosyurizdat, - 1962. – 575 c.

[10] Klenova T.V. Concretization of criminal legal prescriptions: scientific substantiation and practical application//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 934-954.

[11] Lopashenko N.A. Concretization as a method of legislative technology in criminal legislation: a necessary evil or an unattainable benefit ?// Concretization of legislation as a technical and legal method of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 883-898.

[12] Kozlov A.V. On the problem of concretization of major damage in the criminal legislation of Russia//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law

enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/ Ed. Professors V. M. Baranova. N. Novgorod, - 2008. - S. 990-999.

[13] Kruglikov L.L., Khitrov I.A. Experience in legislative concretization of individual circumstances in Russian criminal law//Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 917-934.

[14] Shlyapochnikov A.S. Interpretation of the criminal law. M., 1960. 239 pp.

[15] Pigolkin A.S. Interpretation of regulatory acts in the USSR. - M., - 1962. - 166 s.

[16] Brainin Y.M. Criminal Law and its application. - M., - 1967. - 240 s.

[17] Brother S.N. Vengerov A.B. Concept, content and forms of judicial practice//Judicial practice in the Soviet legal system. - M., - 1975. - S. 8-74.

[18] Voplenko N.N. Official interpretation of the rule of law. - M., - 1976. - 118 s.

[19] Panchenko P.N. Concretization as a technical and legal technique for qualifying crimes in the field of economics on the basis of their commission by an organized group//Concretization of legislation as a technical and legal technique for normative, interpretative, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 898-917.

[20] Zaloilo M.V. The concept and forms of concretization of legal norms: dis.... cand. jurid. sciences. - Moscow. – 2011. - 196 s.

[21] Aleksandrova I.A. Concretization of criminal legislation concerning crimes against justice// Concretization of legislation as a technical and legal technique of normative, interpretive, law enforcement practice: Materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27-28, 2007)/Ed. Professors V. M. Baranov. N. Novgorod, - 2008. - S. 954-965.

[22] Minnigulova, D. B. Compensation for violation of the conditions of detention in a temporary detention center and in custody in the practice of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021-2024: scientific and practical aspects/D. B. Minnigulova// Law and statehood. – 2025. – № 3(8). - S. 47-53. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.007. – EDN XBUBXW.

[23] Divaeva, I. R. On some problematic aspects of the interpretation of criminal law and criminal procedure norms/I. R. Divaeva, M. S. Shaikhullin//Law and management. – 2024. – № 11. - S. 238-242. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-11-238-242. – EDN NQNTKE.

